

Е.А. Бобров

Этюды по метафизике Лейбница

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Е11

Е11 **Е.А. Бобров**
Этюды по метафизике Лейбница / Е.А. Бобров – М.: Книга по Требованию, 2024. – 90 с.
ISBN 978-5-458-56720-6

ISBN 978-5-458-56720-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нію крупные представители того же направленія. Если современные мыслители, идя по тому же пути, что и Лейбницъ, находятъ въ его системѣ важные недостатки, то на первый разъ и всего пока важнѣе заняться проверкою именно этихъ, такъ сказать, „семейныхъ” обвиненій. Необходимо разсмотрѣть, чѣмъ же недовольны теперешніе панпсихисты въ системѣ Лейбница, и нельзя ли достигнуть въ этомъ *родственномъ* раздорѣ примиренія.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей лейбниціанства, или критическаго индивидуализма, или панпсихизма былъ въ наши дни покойный профессоръ *Густавъ Тейхмюллеръ*. Приобрѣтши себѣ почетную извѣстность своими трудами по исторіи греческой философіи, онъ въ послѣдствіи перешелъ къ работамъ по философіи систематической, изъ которыхъ очень важное значеніе имѣли (кромѣ „Философіи Религій”) *Die wirkliche und die scheinbare Welt. Neue Grundlegung der Metaphysik*, 1882 и *Neue Grundlegung der Psychologie und Logik*, 1889 ¹⁾.

Системные труды Тейхмюллера, предпринятые имъ подъ вліяніемъ знаменитаго нѣмецкаго мыслителя *Юнге*, несомнѣнно, имѣли очень большое значеніе для разработки и углубленія основныхъ идей направленія критическаго индивидуализма въ наше время. При громадномъ знаніи фактовъ исторіи философіи одаренный еще проницательностію, остроуміемъ и оригинальнымъ творчествомъ, Тейхмюллеръ то велъ упорную борьбу съ противоположными направленіями, расчищая почву для новыхъ построеній въ духѣ истинной критической философіи, то принимался за изложеніе своихъ собственныхъ идей, отъ которыхъ всегда вѣяло свѣжестію и самобытностію. Преждевременная смерть въ довольно раннемъ для мыслителя

¹⁾ Последняя книга появилась уже послѣ смерти автора. Выше указанныя сочиненія цитируются у насъ *М.* и *Рз.*

возрастъ не дала Тейхмюллеру довести свои философскіе замыслы до конца. ¹⁾

Но отдавая должное талантамъ и заслугамъ Тейхмюллера въ области систематической философіи, мы можемъ произвести правильную и безпристрастную оцѣнку его взглядовъ при одномъ непремѣнномъ условіи: сохраненіи *исторической перспективы*. При этомъ вопросъ будетъ состоять не только въ томъ, чтобы опредѣлить величину и важность услугъ, оказанныхъ Тейхмюллеромъ философіи вообще и критическому индивидуализму въ частности, но еще и въ томъ, чтобы установить, въ какой мѣрѣ взгляды Тейхмюллера соотвѣтствуютъ *основнымъ и традиціоннымъ* чертамъ, которыми отличается *критическій индивидуализмъ* отъ другихъ направлений. Необходимо выяснить, укладываются ли взгляды Тейхмюллера въ историческое русло критическаго индивидуализма, въ то русло, которое было проложено основателемъ этого направленія, или же, наоборотъ, быть можетъ, Тейхмюллеровы идеи представляютъ собою нѣкоторыя отклоненія въ сторону отъ ясно выраженной исторической схемы, такъ, какъ она была выработана величайшимъ представителемъ критицизма и индивидуализма, а именно безсмертнымъ *Г. В. Лейбницемъ*.

Цѣль этого нашего перваго этюда будетъ такая. На основаніи подлинныхъ мѣстъ изъ важнѣйшихъ въ чисто *философскомъ* отношеніи книгъ Тейхмюллера, его „Метафизики“, „Психологій съ логикою“ и др. точно опредѣлить отношеніе Тейхмюллера къ ученіямъ Лейбница. При разборѣ могущихъ оказаться контroversій мы будемъ принуждены прибѣгать къ текстамъ Лейбница: и для того, чтобы согласиться съ его утвержденіемъ, и для того, чтобы отвергнуть послѣднее, мы должны будемъ прежде всего стараться правильно истолковать Лейбница, точно интерпретировать его. Такимъ обра-

¹⁾ Изложенію, критикѣ и оцѣнкѣ его мыслей, кромѣ моихъ статей, посвящены еще очерки *А. А. Козлова, И. О. Осе, Маши, Пфеннигсдорфа, Адольфа Мюллера* и др.

зомъ мы не только опредѣлимъ основательность упрековъ Лейбницу, но и принесемъ свою посильную лепту для возсозданія философiи безсмертнаго мыслителя, такъ долго страждущаго отъ непониманiя. А правильное истолкованiе мыслей Лейбница будетъ способствовать и правильной оцѣнкѣ его воззрѣнiй съ точки зрѣнiя нынѣшнихъ успѣховъ науки философiи. И какъ сказано выше, мы видимъ, что эти вопросы подлежатъ самому тщательному вырѣшенiю не только въ цѣляхъ исторической справедливости, но и въ интересахъ *современнаго* положенiя философской работы въ духъ критицизма и индивидуализма. Въ самомъ дѣлѣ — пужно ли намъ принимать и признавать тѣ новыя модификацiи, которыя, какъ можетъ оказаться, привлечены въ основной фондъ, преподаанный намъ Лейбницемъ? или же отвергая повизпу, какъ непужную прибавку, критическiе индивидуалисты и впредь могутъ держаться торной Лейбницевакой колеи и идти по ней прямо, не уклоняясь въ сторону?

Мы уже предначертали себѣ методъ работы. Прежде всего мы постараемся сгруппировать сужденiя Тейхмюллера о системѣ Лейбница и объ отношенiи къ ней его собственныхъ новыхъ доктринъ. Затѣмъ каждое изъ этихъ сужденiй мы будемъ сличать съ подлинными мыслями Лейбница и наконецъ попытаемся съ обще-логической и историческихъ точекъ зрѣнiя опредѣлить, насколько упреки Тейхмюллера Лейбницу основательны, и *что* въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изъ нихъ *правъ*: Лейбницъ или Тейхмюллеръ?

Еще не приступая къ детальной разработкѣ, мы съ перваго же взгляда можемъ убѣдиться, что отношенiе Тейхмюллера къ системѣ Лейбница было въ разное время *различное*. Въ первомъ своемъ трудѣ по систематической философiи, по-

пулярномъ сочиненіи „Безсмертіе души“ Тейхмюллеръ говоритъ о Лейбницѣ съ великимъ почтеніемъ и свои собственные, оригинальныя мысли считаетъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ міровоззрѣнія, основаннаго Лейбницемъ. Въ „Метафизикѣ“ Тейхмюллеръ подвергаетъ уже систему Лейбница критикѣ, хотя и съ оговорками; продолжая относиться къ Лейбницу съ симпатією и почтеніемъ, онъ, однако, *свою* метафизику уже не считаетъ лейбницянскою. Наконецъ, въ посмертномъ трудѣ „Психологіи и Логикѣ“ Тейхмюллеръ обнаруживаетъ заискусно рѣзкое отношеніе къ Лейбницу, говоритъ о немъ только съ цѣлью выставить его ошибки и заблужденія, и даже какъ будто старается заставить позабыть, что когда то самъ называлъ его своимъ учителемъ. За какія-нибудь 7 — 8 лѣтъ, протекшія между писаніемъ „Метафизики“ и „Психологіи“, отношеніе Тейхмюллера къ Лейбницу перемѣнилось до неузнаваемости. Онъ не ограничивается уже однимъ лишь скромнымъ заявленіемъ, что его собственная философія (для которой онъ придумалъ особое названіе „персонализма“) не имѣетъ якобы ничего общаго съ монадологіей; Тейхмюллеръ пытается „предать сожженію“ философію Лейбница, т. е. то могучее дерево, на которомъ — какъ бы то ни было — именно и разцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ его собственный „персонализмъ“.

Переходимъ къ детальному обследованію первоисточниковъ.

1. „Безсмертіе души“.

Въ „Безсмертіи души“ Тейхмюллеръ заявляетъ себя безусловнымъ приверженцемъ и послѣдователемъ Лейбница. „Пускай меня“, говоритъ онъ въ предисловіи (стр. 4 русскаго перевода), „причислятъ къ той вольной общинѣ, направленіе которой обозначается именами Лейбница и Локке“. — „Противоположеніе идейнаго и матеріи я считаю ложнымъ“ (стр. 30). Оттого я ищъ четвертаго міровоззрѣнія, которое примы-

каетъ къ понятію *матеріи*, выработанному *Лейбницемъ*. Согласно ученія послѣдняго, матеріальность не существуетъ дѣйствительно, но есть только феноменъ, свойственный нашимъ чувствамъ, которые сами-то относятся къ области духа, — есть способъ представленія или созерцанія. Если такъ, то этимъ устраняется громадное затрудненіе, ведущее къ непримиримой борьбѣ между идеалистами и матеріалистами, а изъ гибельной борьбы, которую они по праву ведутъ другъ противъ друга, цѣлымъ выходитъ непричастное спору четвертое міровоззрѣніе¹⁾.

Не моя задача, продолжаетъ Тейхмюллеръ, излагать здѣсь эту четвертую метафизику. Я упомяну только, что въ ней необходимо признавать *индивидуальныя* субстанціи, которыя можно назвать атомами или монадами или реальными одипицами. На стр. 80 — 81 Лейбницъ прямо именуется *основателемъ* этого четвертаго міровоззрѣнія, т. е. *критическаго индивидуализма*. „Мы не смѣемъ свои представленія о пространствѣ, времени, движеніи и т. д. проектировать во внѣшній міръ: постоянно должно помнить то, что все это только формы представленій, которыя образуются на чувственныхъ ощущеніяхъ и при представленіи таковыхъ въ сознаніи.... *Первый* мыслитель, который за столѣтіе до Канта снялъ это закланіе, былъ Лейбницъ. Онъ видѣлъ, сколь необдуманно и неопозволительно признавать *въ* себя матеріальныя, т. е. протяженныя субстанціи, и заключилъ *по аналогіи* въ качествѣ необходимаго для объясненія природы предположенія, что находящійся внѣ насъ міръ долженъ состоять изъ точно такихъ же нематеріальныхъ субстанцій, какъ та, о которой мы имѣемъ знаніе и опытъ внутри себя. Этими мыслями было разсѣяно волшебство, скрывавшее изслѣдованіе вещей. Ибо съ одной стороны былъ побѣжденъ неизлечимый дуализмъ двухъ несоединенныхъ міровъ, съ другой — устраненъ спинозизмъ

¹⁾ Третьимъ — Тейхмюллеръ, примыкая здѣсь къ схемѣ міровоззрѣній *Тренделенбурга*, считаетъ спинозизмъ.

со своимъ противорѣчающимъ опыту параллелизмомъ. Поэтому Лейбница можно считать *поворотнымъ пунктомъ* философіи, не потому, чтобы онъ нашелъ *полное* разрѣшеніе проблемы познанія, или, чтобы съ его времени все стали философствовать въ его смыслѣ (послѣднее далеко не такъ), но потому, что онъ дѣйствительно *положилъ основаніе*, на которомъ мало по малу путемъ *общаго* научнаго труда *воздвигнется* четвертое міровоззрѣніе. Ибо только съ признаніемъ субстанцій такъ называемаго матеріальнаго міра подобными душѣ и мыслящей субстанціи и при взглядѣ на все роды субстанцій, лишь какъ на *степени развитія*, можно освободиться изъ круга, въ предѣлахъ котораго мы бросаемся изъ матеріализма въ идеализмъ и обратно.“

Сужденія Тейхмюллера о Лейбницѣ, приведенныя выше, чрезвычайно здравы и исторически вѣрны. Мы можемъ только подписаться подъ ними. Лейбницъ признается основателемъ критическаго индивидуализма, положившимъ первый камень, на которомъ со временемъ общими трудами критическихъ мыслителей можетъ быть построено зданіе истинной философіи.

2. „Дарвинизмъ и философія“.

Въ предисловіи къ этой своей актовой рѣчи, произнесенной въ 1876 г., и посвященной знаменитому К. А. Веру, Тейхмюллеръ такъ высказывается о своемъ направленіи въ философіи (стр. 6 русскаго изданія).

Матеріализмъ не могъ объяснить законовъ и формъ природы и духовной жизни. Идеализмъ не нашелъ перехода отъ общаго къ сущему. Спинозизмъ трактовалъ обѣ стороны своего вымышленнаго равенства, не имѣя основанія для этого дуалистичнаго представленія и не давая никакого источника познанія для второй стороны — для міра протяженности. Поэтому и перешли къ позитивному скептицизму и вмѣстѣ съ критическимъ Кантомъ отказались отъ познанія міра. Я не

слѣдую этому теченію времени, но ищу *четвертаго* міровоззрѣнія, основанія котораго изложены еще *Лейбницемъ* въ *краткихъ*, смѣлыхъ афоризмахъ. *Будущности* принадлежитъ развитіе и систематическое проведеніе этой новой теоріи, которой и *Лопце* посвятилъ свои великія силы.“

Какъ мы видимъ, и во второмъ своемъ системномъ сочиненіи Тейхмюллеръ заявляетъ о своей принадлежности къ міровоззрѣнію Лейбница и возлагаютъ надежды на будущее, когда это міровоззрѣніе, благодаря трудамъ Лопце и другихъ, получитъ надлежащее развитіе.

3. „Метафизика“.

О Лейбницѣ Тейхмюллеръ заговариваетъ въ самомъ началѣ этой книги, когда перечисляетъ различные способы трактованія проблемы бытія. Среди прочихъ философовъ указывается и Лейбницъ.

Съ удивленіемъ станемъ мы слѣдить, говоритъ авторъ, за тонкими и *всегда оригинальными* мыслями Лейбница. Но, къ сожалѣнію, онъ исходилъ изъ *Демокрита* и поэтому образовалъ свои монады *чрезъ дѣленіе объективно данныхъ тѣлъ*. Поэтому онъ ошибся въ источникѣ понятія *бытія*. Правда, онъ проникъ глубже всѣхъ прежнихъ философовъ; но, къ сожалѣнію, его мышленіе черезчуръ сильно руководилось интересами *того времени*, къ которымъ мы теперь совершенно равнодушны. Такъ и у Лейбница мы, къ сожалѣнію, не находимъ изслѣдованія о томъ, какъ мы собственно приходимъ къ понятію бытія: онъ можетъ намъ сообщить все возможное о различныхъ родахъ сущаго и о способѣ ихъ сосуществованія, но не указываетъ методы, слѣдуя которой, мы могли бы дать себѣ отчетъ въ самомъ бытіи, какъ таковомъ [М., 6.]. Тейхмюллеръ совершенно справедливо указываетъ здѣсь, что Лейбницъ въ пониманіи бытія не представилъ ничего новаго. Дѣйствительно, понятіе бытія у Лейбница въ общемъ старое, традиціонное, *аристотелево-схоластическое*. Правильности того

упрека, будто Лейбницъ получилъ свои монады чрезъ дѣленіе реальныхъ тѣлъ, мы коснемся еще ниже, стр. 14 и слѣд. Справедливо и то указаніе, что Лейбницъ въ своей философіи черезчуръ руководился *современными* (т. е. по преимуществу богословскими) интересами. Отметимъ, что, хотя Тейхмюллеръ и вынужденъ здѣсь порицать Лейбница, но дѣлаетъ это съ оговорками и троекратно повторяетъ свое сожалѣніе о томъ (leider).

Оставляя въ сторонѣ мимолетныя замѣтки о томъ, что въ теоріи бытія Лейбницъ и Гербартъ раздѣляютъ элейскую точку зрѣнія [М. 143] и что Лейбницъ представлялъ себѣ „я“, какъ атомъ [М. 71], мы найдетъ у Тейхмюллера въ „Метафизикѣ“ разборъ ученія Лейбница въ главѣ о времени. Здѣсь Тейхмюллеръ указываетъ, что Лейбницъ и Кантъ впервые познали *субъективность* времени [М. 238]. Кантъ молча и безъ дальнѣйшаго изслѣдованія идетъ за *Лейбницемъ*, полагая, что „первоначальное представленіе времени дано намъ, какъ неограниченное“, то есть по величинѣ безкопейнымъ и что „всякая опредѣленная величина времени возможна только черезъ ограниченія единаго времени, лежащаго въ основаніи“ [М., 207—208].

Но отдавая должное памяти Лейбница, Тейхмюллеръ указываетъ и на недостаточность миѣнія, высказаннаго Лейбницемъ о времени.

Легко замѣтить, что Лейбницъ не пускался въ *подробное* объясненіе времени. Иначе Кантъ для восполненія Локкова пониманія не воспользовался бы лишь однимъ тѣмъ замѣчаніемъ, что *де время и пространство* соотносится (*zusammengehören*) съ вѣчными истинами (Nouv. Ess., p. 242 у Эрдмана), и что оба они — вещи идеальныя (Lettres entre Leibniz et Clarke, p. 769).

Если бы Лейбница, какъ и Августина, черезчуръ не занимали *теологическіе* вопросы, полагаетъ Тейхмюллеръ, то мы, конечно, собрали бы съ него болѣе богатую жатву для этого понятія времени, *главенствующаго* во всей феноменологіи. Лейбницъ не говоритъ подробнѣе о природѣ *идеальности* времени и не пытается дать ей дедукцію. Несмотря, однако, на то,

даже эти немногія замѣчанія есть *самое лучшее*, что писано о времени послѣ Аристотеля и Августина. Если бы Лейбницъ продумалъ далѣе ту свою мысль, что монада есть *зеркало* вселенной и отражаетъ ее перспективно, и если бы онъ привлекъ эту мысль къ идеямъ времени и пространства, то онъ долженъ былъ бы искать — и нашелъ бы, почему же это отображеніе не есть объективное, но можетъ быть только перспективнымъ; онъ нашелъ бы, что формы пространства и времени именно и составляютъ собою *перспективный* характеръ мірового изображенія. Но Лейбницъ въ своемъ только объективномъ разсмотрѣніи остался при аристотелевомъ пониманіи, — распозналъ лишь *относительную* природу времени и пространства для *міра*, такъ какъ обѣ категоріи *этого* міра не имѣютъ значенія. Но перспективнаго происхожденія ихъ не замѣтили ни Аристотель, ни Лейбницъ; поэтому обѣ формы они прилагали постоянно только къ самимъ вещамъ, несмотря на необъяснимую идеальность этихъ формъ, которая должна была обратить на себя ихъ вниманіе [М., 242 — 243].

И здѣсь Тейхмюллеръ говоритъ о Лейбницѣ съ большимъ піететомъ. Несмотря на отсутствіе дедукціи времени, несмотря на то, что Лейбницъ, по мнѣнію Тейхмюллера, не провелъ послѣдовательно своей собственной мысли о томъ, что душа есть зеркало вселенной, и въ общемъ остался относительно понятія времени на аристотелевой точкѣ зрѣнія, все же афоризмы Лейбница оказываются, по Тейхмюллеру, самымъ лучшимъ, что было высказано о времени послѣ Аристотеля и Августина. Упрекъ въ чрезмѣрномъ увлеченіи Лейбница современною теологіею повторенъ и здѣсь.

Небольшого разъясненія, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ только упоминаніе о „зеркалѣ вселенной“. У Лейбница всякая монада есть зеркало вселенной не въ томъ смыслѣ, что она де отражаетъ въ себѣ весь *внѣшній* міръ въ его перспективныхъ формахъ, въ пространствѣ и во времени. Зеркальность души состоитъ въ томъ, что благодаря всемірной согласованности не внѣшнія событія въ мірѣ тѣлъ и движеній, а *внутреннія* состоянія *прочихъ* монадъ, прямо и непосредственно никакъ

недоступныя для моего „я“, отражаются и находятъ себѣ соотвѣтствующій отзвукъ во *внутреннихъ* же состояніяхъ моей души. Зеркальность души, слѣдовательно, состоитъ въ ея способности отражать всѣ наималѣйшія перемѣны *внутри* другихъ монадъ; эта идея „зеркала вселенной“ есть сама выводъ изъ понятія *предустановленной гармоніи* и не имѣетъ отношенія къ феноменологическому міру, къ пространству и ко времени. Въ этомъ случаѣ Тейхмюллеръ, намъ кажется, неправильно понимаетъ лейбницево выраженіе о „зеркалѣ“.

Въ цѣляхъ опредѣленія отношенія Тейхмюллера къ Лейбницу всего важнѣе для насъ то мѣсто, гдѣ онъ хочетъ разъяснить, какова его собственная метафизика, — есть ли она метафизика кантіанская или *лейбницевская* (*kantisch oder leibnizisch*). Здѣсь Тейхмюллеръ сообщаетъ слѣдующее.

Въ своихъ сочиненіяхъ я многократно имѣлъ случай хвалить Лейбница и ставить его въ основатели спеціально германской философіи. Въ этомъ хотѣли видѣть указаніе, что я считаю за благо ходить по стезѣ Лейбница. Правда, я *охотно хочу слѣдовать лейбницевцамъ, ибо считаю это для себя за величайшую честь*: вѣдь всѣ прочіе философы, за исключеніемъ Платона, далеко отстаютъ отъ него въ отношеніи *основательности, творческой оригинальности и остроты мышленія*. Но все-таки это моя обязанность открыто высказать *совершенное различіе* моей метафизики отъ метафизики Лейбница. Ибо, чтобы характеризовать какую-либо философію, важны не *результаты*, которые всегда могутъ быть одинаковы при совершенно различныхъ системахъ: такъ, напр., почти всѣ системы морали рекомендуютъ справедливость.

Философія стремится къ *обоснованію* всѣхъ нашихъ знаній; слѣдовательно, при различеніи системъ дѣло — въ *методѣ* и въ специфическихъ теоремахъ, лежащихъ въ основаніи. Ибо я рассчитываю быть въ согласіи, какъ съ Лейбницемъ, такъ и съ общимъ сознаніемъ образованныхъ людей, и мои результаты можетъ подписать всякій добрый христіанинъ. Но *способъ обосновки* этихъ результатовъ здѣсь у меня совсѣмъ